

ВЕРА ФЕДОРОВНА

ПАНОВА

СЕРЕЖА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я к л а с с и к а

Эксклюзив: Русская классика

Вера Панова

Сереза

«Издательство АСТ»

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панова В. Ф.

Сереза / В. Ф. Панова — «Издательство АСТ», — (Эксклюзив:
Русская классика)

ISBN 978-5-17-160331-1

Мир маленького Серези – это книги с картинками, игры с соседскими ребятами, походы на реку, куры и индюки, подстерегающие его во дворе. Сереза растет, и каждый новый день приносит ему открытия: у любого человека есть сердце, возможно, на Марсе живут люди, а звери на самом деле не разговаривают. Как и многие дети послевоенного времени, Сереза растет без отца, пока однажды мама не скажет: «Коростелев теперь будет жить с нами. Он будет твоим папой». Приход в семью нового человека становится для мальчика испытанием. В сборник вошли и другие произведения автора: «Валя», «Володя» и «Сестры», которые будут интересны и старшему, и младшему поколению. Детям будут понятны чувства и мысли маленьких героев. Для родителей это прекрасная возможность посмотреть на мир глазами своих детей, ведь ситуации, описанные в книге, не потеряли своей актуальности.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160331-1

© Панова В. Ф.
© Издательство АСТ

Содержание

Сережа	6
Кто такой Сережа и где он живет	6
Трудности его существования	8
Перемены в доме	10
Первое утро с коростелевым. – В гостях	15
Купили велосипед	19
Какая разница между коростелевым и другими	23
Женька	26
Похороны прабабушки	31
Могущество коростелева	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вера Федоровна Панова

Сережа

© В.Ф. Панова, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Сережа

Несколько историй из жизни очень маленького мальчика

Моим детям – Наталиш, Борису и Юрию

Кто такой Сережа и где он живет

Выдумали, будто он на девочку похож. Это прямо смешно. Девочки ходят в платьях, а Сережа давным-давно не ходит в платьях. У девочек, что ли, бывают рогатки? А у Сережи есть рогатка, из нее можно стрелять камнями. Рогатку сделал ему Шурик. За это Сережа отдал Шурику все ниточные катушки, которые собирал всю свою жизнь.

А что у него такие волосы, так их сколько раз стригли машинкой, и Сережа сидит смиренно, закутанный простыней, и терпит до конца, а они все равно растут опять.

Зато он развитой, все говорят. Он знает наизусть целую кучу книжек. Два или три раза прочтут ему книжку, и он уже знает ее наизусть. Знает и буквы, но читать самому – очень долго. Книжки густо измазаны цветными карандашами, потому что Сережа любит раскрашивать картинки. Если даже картинки в красках, он их перекрашивает по своему вкусу. Книжки недолго бывают новыми, они распадаются на куски. Тетя Паша приводит их в порядок, сшивая и склеивая листы, изорванные по краям.

Пропадет какой-нибудь лист – Сережа ищет его и успокаивается, когда находит: он привязан к своим книжкам, хотя в глубине души не принимает всерьез все эти истории. Звери на самом деле не разговаривают, и ковер-самолет летать не может, потому что он без мотора, это каждый дурак знает.

И вообще, как принимать всерьез, если читают про ведьму и тут же говорят: «А ведьм, Сереженька, не бывает».

Но все-таки он не может перенести, как это дровосек и его жена обманом завели своих детей в лес, чтобы они там заблудились и не вернулись никогда. Хоть Мальчик-с-пальчик спас их всех, но слушать про такие дела невозможно. Сережа не позволяет читать ему эту книжку.

Живет Сережа с мамой, тетей Пашей и Лукьянычем. В доме у них три комнаты. В одной спит Сережа с мамой, в другой тетя Паша с Лукьянычем, а третья столовая. При гостях едят в столовой, а без гостей в кухне. Еще есть терраса и двор. Во дворе куры. На двух длинных грядках растет лук и редиска. Чтобы куры не раскапывали грядки, кругом натыканы сухие ветки с колючками; и когда Сереже нужно сорвать редиску, вечно эти колючки царапают ему ноги.

Считается, что их город маленький. Сережа и его товарищи думают, что это неправильно. Большой город. В нем есть магазины, и водокачки, и памятник, и кино. Иногда мама берет Сережу с собой в кино. «Мамочка, – говорит Сережа, когда тушат свет, – если будешь что-нибудь понимать, говори мне».

По улицам ездят машины. Шофер Тимохин катает ребят на своей полуторке. Только это редко бывает. Это бывает, когда Тимохин не выпьет водки. Тогда он нахмуренный, не разговаривает, курит, плюется и всех катает. А если проезжает веселый – не стоит и проситься, ничего не будет: машет рукой из окошечка и кричит: «Привет, ребята! Не имею морального права! Я выпивши!»

Улица, где живет Сереза, называется Дальняя. Просто называется: от нее всюду близко. До площади – километра два, Васька говорит. А до совхоза «Ясный берег» – еще ближе, Васька говорит.

Главнее совхоза «Ясный берег» ничего нет. Там работает Лукьяныч. Тетя Паша ходит туда в магазин за селедками и мануфактурой. Мамина школа тоже в совхозе. По праздникам Сереза бывает с мамой на школьных утренниках. Там он познакомился с рыжей Фимой. Она большая, ей восемь лет. У нее косы уложены на ушах крендельками, а в косы вплетены ленты и завязаны бантами: или черные ленты, или голубые, или белые, или коричневые; очень много лент у Фимы. Сереза бы не заметил, но Фима сама спросила его:

– Ты обратил внимание, сколько много у меня лент?

Трудности его существования

Это она правильно сделала, что спросила. А то разве на все обратишь внимание? Сережа и рад обратить, да внимания не хватит. Столько вещей кругом. Мир набит вещами. Изволь все заметить.

Почти все вещи очень большие: двери ужасно высокие, люди (кроме детей) почти такой же высоты, как двери. Не говоря уже о грузовике, или комбайне, или о паровозе, который как загудит, так ничего не слышно, кроме его гудка.

Вообще – не так уж опасно: люди к Сереже доброжелательны, наклоняются, если ему нужно, и никогда не наступают на него своими громадными ногами. Грузовик и комбайн тоже безвредны, если не перебегают им дорогу. Паровозы – далеко, на станции, куда Сережа два раза ездил с Тимохиным. Но вот ходит по двору зверь. У него круглый, подозрительный, нацеливающийся глаз, могучий дышащий зоб, грудь колесом и железный клюв. Вот зверь остановился и мозолистой ногой разгребает землю. Когда он вытягивает шею, то делается одного роста с Сережей. И может так же заклевать Сережу, как заклевал молодого соседского петушка, который сдуру разлетелся в гости. Сережа стороной обходит кровожадного зверя, делая вид, что и не видит его вовсе, – а зверь, свесив красный гребень набок и гортанно говоря что-то угрожающее, провожает его бдительным недобрим взглядом...

Петухи клюются, кошки царапаются, крапива жжется, мальчишки дерутся, земля срыгает кожу с колен, когда падаешь, – и Сережа весь покрыт царапинами, ссадинами и синяками. Почти каждый день у него откуда-нибудь идет кровь. И вечно что-то случается. Васька влез на забор, и Сережа хотел влезть, но сорвался и расшибся. У Лиды в саду выкопали яму, и все ребята стали прыгать через яму, и всем ничего, а Сережа прыгнул и свалился в яму. Нога распухла и болела, Сережу уложили в постель. Едва поднялся и вышел во двор поиграть мячиком, а мячик залетел на крышу и лежал там за трубой, пока не явился Васька и не достал его. А как-то Сережа чуть-чуть не утонул. Лукьяныч повез их кататься по речке на челне – Сережу, Ваську, Фиму и еще одну свою знакомую девочку, Надю. Челн у Лукьяныча оказался никудышный: только ребята зашевелились – челн качнулся, и они все упали в воду, кроме Лукьяныча. Вода была жутко холодная. Она сразу налилась Сереже в нос, рот, уши – он и крикнуть не успел – даже в живот. Сережа сделался весь мокрый и тяжелый, и его как будто кто-то потащил вниз. Он почувствовал ужас, какого никогда не чувствовал. И было темно. И это длилось невероятно долго. Как вдруг его подняли кверху. Он открыл глаза – возле самого лица его струилась речка, был виден берег, и все сверкало от солнца. Вода, что была у Сережи внутри, вылилась, он вдохнул воздух, берег придвигался ближе и ближе, и вот Сережа стал на четвереньки на твердый песок, дрожа от холода и страха. Это Васька сообразил схватить его за волосы и вытащить. А если бы у Сережи не было длинных волос, тогда что?

Фима выплыла сама, она умеет плавать. А Надя тоже чуть не утонула, ее спас Лукьяныч. А челн уплыл, пока Лукьяныч спасал Надю. Колхозницы поймали челн и позвонили Лукьянычу в контору по телефону, чтобы он его забрал. Но больше Лукьяныч не катает ребят. Он говорит: «Будь я проклят, если еще когда-нибудь с вами поеду».

От всего, что приходится увидеть и испытать за день, Сережа очень устает. К вечеру он совсем изнемогает: еле ворочается у него язык; глаза закатываются, как у птицы. Ему моют руки и ноги, сменяют рубашку – он в этом не участвует, его завод кончился, как у часов.

Он спит, свободно откинув светловолосую голову, разбросав худенькие руки, вытянув одну ногу, а другую согнув в колене, словно он всходит по крутой лестнице. Волосы, тонкие и легкие, разделившись на две волны, открывают лоб с двумя упрямыми выпуклостями над бровями, как у молоденького бычка. Большие веки, опушенные тенистой полоской рес-

ниц, сомкнуты строго. Рот приоткрылся посредине, в уголках склеенный сном. И дышит он неслышно, как цветок.

Он спит – и можете, пожалуйста, бить в барабан, палить из пушки, – Сережа не проснется, он копит силы, чтобы жить дальше.

Перемены в доме

– Сереженька, – сказала мама, – знаешь, что?.. Мне хочется, чтобы у нас был папа.

Сережа поднял на нее глаза. Он не думал об этом. У одних ребят есть папы, у других нет. У Сережи тоже нет: его папа убит на войне; Сережа видел его только на карточке. Иногда мама целовала карточку и Сереже давала целовать. Он с готовностью прикладывал губы к стеклу, затуманившемуся от маминого дыхания, но любви не чувствовал: он не мог любить того, кого видел только на карточке.

Он стоял между мамиными коленями и вопросительно смотрел ей в лицо. Оно медленно розовело: сначала порозовели щеки, от них нежная краснота разлилась на лоб и уши... Мама зажала Сережу в коленях, обняла его и приложила горячую щеку к его голове. Теперь ему видна была только ее рука в синем рукаве с белыми горошинами. Шепотом мама спросила:

– Ведь без папы плохо, правда? Правда?..

– Да-а, – ответил он, тоже почему-то шепотом.

На самом деле он не был в этом уверен. Он сказал «да» потому, что ей хотелось, чтобы он сказал «да». Тут же он наскоро прикинул: как лучше – с папой или без папы? Вот когда Тимохин их катает на грузовике, то все садятся наверху, а Шурик всегда садится в кабину, и все ему завидуют, но не спорят, потому что Тимохин – Шурикин папа. Зато если Шурик не слушается, то Тимохин наказывает его ремнем, и Шурик ходит зареванный и угрюмый, а Сережа страдает и выносит во двор все свои игрушки, чтобы Шурик утешился... Но, должно быть, с папой все-таки лучше: недавно Васька обидел Лиду, так она кричала: «А у меня зато папа есть, а у тебя нет, ага!»

– Чего это стучит? – спросил Сережа громко, заинтересовавшись глухим стуком у мамы в груди.

Мама засмеялась, поцеловала Сережу и крепче прижала к себе:

– Это сердце. Мое сердце.

– А у меня? – спросил он, наклоняя голову, чтобы услышать.

– И у тебя.

– Нет. У меня не стучит.

– Стучит. Просто тебе не слышно. Оно обязательно стучит. Без этого человек не может жить.

– Всегда стучит?

– Всегда.

– А когда я сплю?

– И когда ты спишь.

– А тебе слышно?

– Да. Слышно. А ты можешь рукой почувствовать.

Она взяла его руку и приложила к ребрам:

– Чувствуешь?

– Чувствую. Здорово стучит. Оно большое?

– Сожми кулачок. Вот, оно такое приблизительно.

– Пусти, – озабоченно сказал он, выбираясь из ее объятий.

– Куда ты? – спросила она.

– Я сейчас, – сказал он и побежал на улицу, прижимая руку к левому боку. На улице были Васька и Женька.

Он подбежал к ним и сказал:

– Вот попробуйте, хотите? Тут у меня сердце. Я его рукой чувствую. Попробуйте, хотите?

– Подумаешь! – сказал Васька. – У всех сердце.

Но Женька сказал:

– А ну.

И приложил руку к Сережиному боку.

– Чувствуешь? – спросил Сережа.

– Ага, – сказал Женька.

– Оно приблизительно такое, как мой кулак, – сказал Сережа.

– А ты почему знаешь? – спросил Васька.

– Мне мама сказала, – ответил Сережа. И, вспомнив, добавил: – А у меня будет папа!

Но Васька и Женька не слушали, занятые своими делами: они несли на заготпункт лекарственные растения. На заборах вывесили списки – какие растения принимаются; и ребятам захотелось заработать. Два дня они собирали травы. Васька отдал свой сбор матери и велел перебрать, рассортировать и увязать в чистую тряпку – и теперь шел на заготпункт с большим опрятным узлом. А у Женьки матери нет, тетка и сестра на работе, не самому же возиться; Женька нес сдавать лекарственные растения в дырявом мешке от картошки, с корнями и даже с землей. Зато очень много было; больше, чем у Васьки; взвалил на спину – так и согнулся пополам.

– И я с вами, – сказал Сережа, поспешая за ними.

– Не, – сказал Васька. – Поворачивай домой. Мы по делу идем.

– Да я просто так, – сказал Сережа. – Просто провожу.

– Поворачивай, сказано! – приказал Васька. – Это тебе не игра! Маленьким нечего там делать!

Сережа отстал. У него дрогнула губа, но он скрепился: подходила Лида, при ней плакать не стоит, а то задразнит: «Плакса! Плакса!»

– Не взяли тебя? – спросила она. – Эх, ты!

– Если я захочу, – сказал Сережа, – я вот столько наберу всякой разной травы! Выше неба!

– Выше неба – врешь, – сказала Лида. – Выше неба никто не наберет.

– А вот у меня будет папа, он наберет, – сказал Сережа.

– Врешь ты все, – сказала Лида. – Никакого папы у тебя не будет. И он все равно не наберет. Никто не наберет.

Сережа, запрокинув голову, посмотрел на небо и задумался: можно набрать травы выше неба или нельзя? Пока он думал, Лида сбегала к себе домой и принесла пестрый шарф, – мать ее носила этот шарф, когда на шее, а когда на голове. С шарфом Лида принялась плясать, размахивая им, вскидывая руки и ноги и распевая что-то себе в помощь. Сережа стоял и смотрел. Лида на минутку перестала плясать и сказала:

– Надька врет, что ее в балет отдадут.

Поплясала еще и сказала:

– На балерин учат в Москве и в Ленинграде.

И, заметив в Сережиных глазах восхищение, великодушно предложила:

– Чего ж ты? Учись давай, ну? Смотри на меня и делай, что я делаю.

Он стал делать, но без шарфа не получалось. Она велела ему петь, но и это не помогло.

Он попросил:

– Дай мне шарфик.

Но она сказала:

– Ишь какой!

И не дала. В это время подъехала машина «газик» и остановилась у Сережиных ворот. Из машины вышла женщина-шофер, а из калитки тетя Паша. Женщина-шофер сказала:

– Принимайте, Дмитрий Корнеевич прислал.

В машине был чемодан и стопки книг, перевязанные веревками. И еще что-то толстое серое, скатанное в трубку, – оно развернулось, это оказалась шинель. Тетя Паша и шофер стали носить все это в дом. Мама выглянула из окошка и скрылась. Шофер сказала:

– Извините – вот и все приданое.

Тетя Паша ответила грустным голосом:

– Уж пальтишко мог бы купить.

– Купит, – пообещала шофер. – Все впереди. И вот передайте письмецо.

Она отдала письмо и уехала. Сережа побежал домой, крича:

– Мама! Мама! Коростелев нам прислал свою шинель!

(Дмитрий Корнеевич Коростелев ходил к ним в гости. Он дарил Сереже игрушки и один раз зимой катал его на саночках. Шинель у него без погон, осталась с войны. Сказать «Дмитрий Корнеевич» трудно, Сережа звал его: Коростелев.)

Шинель уже висела на вешалке, а мама читала письмо. Она ответила не сразу, а когда дочитала до самого конца.

– Я знаю, Сереженька. Коростелев теперь будет жить с нами. Он будет твой папа.

И она стала читать то же самое письмо – наверно, с одного раза не запомнила, что там написано.

Под словом «папа» Сереже представлялось что-то чужое, невиданное. А Коростелев – их старый знакомый, тетя Паша и Лукьяныч зовут его Митя – что это маме вдруг вздумалось? Сережа спросил:

– А почему?

– Слушай, – сказала мама, – ты дашь прочесть письмо или ты не дашь?

Так она ему и не ответила. У нее оказалось много разных дел. Она развязала книги и поставила на полку. И каждую книгу обтирала тряпкой. Потом переставила штучки на комод перед зеркалом. Потом пошла во двор и нарвала цветов и поставила в вазочку. Потом для чего-то ей понадобилось мыть пол, хотя он был чистый. А потом стала печь пирог. Тетя Паша ее учила, как делать тесто. И Сереже дали теста и варенья, и он тоже испек пирог, маленький.

Когда пришел Коростелев, Сережа уже забыл о своих недоумениях и сказал ему:

– Коростелев! Посмотри, я испек пирог!

Коростелев наклонился к нему и несколько раз поцеловал, – Сережа подумал: «Это он потому так долго целуется, что он теперь мой папа».

Коростелев распаковал свой чемодан, достал оттуда мамину карточку в рамке, взял гвоздь и молоток и повесил карточку в Сережиной комнате.

– Зачем это, – спросила мама, – когда я живая буду всегда с тобой?

Коростелев взял ее за руку, они потянулись друг к другу, но оглянулись на Сережу и отпустили руки. Мама вышла. Коростелев сел на стул и сказал задумчиво:

– Вот так, брат Сергей. Я, значит, к тебе переехал, не возражаешь?

– Ты насовсем переехал? – спросил Сережа.

– Да, – сказал Коростелев. – Насовсем.

– А ты меня будешь драть ремнем? – спросил Сережа.

Коростелев удивился:

– Зачем я тебя буду драть ремнем?

– Когда я не буду слушаться, – объяснил Сережа.

– Нет, – сказал Коростелев. – По-моему, это глупо – драть ремнем, а?

– Глупо, – подтвердил Сережа. – И дети плачут.

– Мы же с тобой можем договориться, как мужчина с женщиной, без всякого ремня.

– А в которой комнате ты будешь спать? – спросил Сережа.

– Видимо, в этой, – ответил Коростелев. – По всей видимости, брат, так. А в воскресенье мы с тобой пойдем – знаешь, куда мы с тобой пойдем? В магазин, где игрушки продают. Выберешь сам, что тебя устраивает. Договорились?

– Договорились! – сказал Сережа. – Я хочу велисапед. А воскресенье скоро?

– Скоро.

– Через сколько?

– Завтра будет пятница, потом суббота, а потом воскресенье.

– Еще не скоро! – сказал Сережа.

Пили чай втроем: Сережа, мама и Коростелев. (Тетя Паша с Лукьянычем куда-то ушли.) Сереже хотелось спать. Серые бабочки толклись вокруг лампы, стукались об нее и падали на скатерть, часто мелькая крылышками, от этого хотелось спать еще сильнее. Вдруг он увидел, что Коростелев куда-то несет его кровать.

– Зачем ты взял мою кровать? – спросил Сережа.

Мама сказала:

– Ты совсем спишь. Пошли мыть ноги.

Утром Сережа проснулся и не сразу понял, где он. Почему вместо двух окон три, и не с той стороны, и не те занавески. Потом разобрался, что это тети-Пашина комната. Она очень красивая: подоконники заставлены цветами, а за зеркало заткнуто павлинье перо. Тетя Паша и Лукьяныч уже встали и ушли, постель их была застлана, подушки уложены горкой. Раннее солнце играло в кустах за открытыми окнами. Сережа вылез из кровати, снял длинную рубашку, надел трусики и вышел в столовую. Дверь в его комнату была закрыта. Он подергал ручку: дверь не отворилась. А ему туда нужно было непременно: там ведь находились все его игрушки. В том числе новая лопата, которой ему вдруг очень захотелось покопать.

– Мама! – позвал Сережа.

– Мама! – позвал он еще раз.

Дверь не открывалась, и было тихо.

– Мама! – крикнул Сережа изо всех сил.

Тетя Паша вбежала, схватила его на руки и понесла в кухню.

– Что ты, что ты! – шептала она. – Как можно кричать! Нельзя кричать! Слава богу, не маленький! Мама спит, и пусть себе спит на здоровье, зачем будить!

– Я хочу взять лопату, – сказал он тревожно.

– И возьмешь, никуда не денется лопата. Мама встанет – и возьмешь, – сказала тетя Паша. – Смотри-ка, а вот рогатка твоя. Вот ты пока рогаткой позанимаешься. А хочешь, морковку почистить дам. А раньше всех дел добрые люди умываются.

Разумные, ласковые речи всегда действовали на Сережу успокоительно. Он дал ей умыться себя и выпил кружку молока. Потом взял рогатку и вышел на улицу. Напротив на заборе сидел воробей. Сережа, не целясь, стрельнул в него из рогатки камушком и, конечно же, промахнулся. Он нарочно не целился, потому что сколько бы он ни целился, он бы все равно не попал, кто его знает – почему; но тогда Лида дразнилась бы, а теперь она не имеет права дразниться: ведь видно было, что человек не целился, просто захотелось ему стрельнуть, он и стрельнул не глядя, как попало.

Шурик крикнул от своих ворот:

– Сергей, в рощу пошли?

– А ну ее! – сказал Сережа.

Он сел на лавочку и сидел, болтая ногой. Его беспокойство усиливалось. Проходя через двор, он видел, что ставни на его окнах тоже закрыты. Сразу он не придал этому значения, а теперь сообразил: ведь они летом никогда не закрываются, только зимой, в сильный мороз; получается, что игрушки заперты со всех сторон. И ему захотелось их до того, что хоть ложись на землю и кричи. Конечно, он не станет ложиться и кричать, он не маленький, но от этого ему

не было легче. Мама и Коростелев все заперли и не беспокоятся, что ему сию минуту нужна лопата. «Как только они проснутся, – думал Сережа, – я сейчас же все-все перенесу в тети-Пашину комнату. Не забыть кубик: он еще когда упал за комод и там лежит».

Васька и Женька подошли и стали перед Сережей. И Лида подошла с маленьким Виктором на руках. Они стояли и смотрели на Сережу. А он болтал ногой и не говорил ничего. Женька спросил:

– Ты чего сегодня такой?

Васька сказал:

– У него мать женилась.

Еще помолчали.

– На ком она женилась? – спросил Женька.

– На Коростелеве, директоре «Ясного берега», – сказал Васька. – Ох, его и прорабатывали!

– За что прорабатывали? – спросил Женька.

– Ну – за хорошие, значит, дела, – сказал Васька и достал из кармана мятую пачку папирос.

– Дай закурить, – сказал Женька.

– Да у меня у самого, кажется, последняя, – сказал Васька, но все-таки папиросу дал и, закурив, протянул горящую спичку Женьке. Огонь на кончике спички в солнечном свете прозрачен, невидим; не видать, отчего почернела и скорчилась спичка и отчего задымила папироса. Солнце светило на ту сторону улицы, где собрались ребята; а другая сторона была еще в тени, и листья крапивы там вдоль забора, вымытые росой, темны и мокры. И пыль посреди улицы: на той стороне прохладная, а на этой теплая. И два гусеничных следа по пыли: кто-то проехал на тракторе.

– Переживает Сережка, – сказала Лида Шурику. – Новый папа у него.

– Не переживай, – сказал Васька. – Он дядька ничего себе, по лицу видать. Как жил, так и будешь жить, какое твое дело.

– Он мне купит велосипед, – сказал Сережа, вспомнив вчерашний разговор.

– Обещал купить, – спросил Васька, – или же просто ты надеешься?

– Обещал. Мы вместе в магазин пойдем. В воскресенье. Завтра будет пятница, потом суббота, а потом воскресенье.

– Двухколесный? – спросил Женька.

– Трехколесный не бери, – посоветовал Васька. – На кой он тебе. Ты скоро вырастешь, тебе нужен двухколесный.

– Да врет он все, – сказала Лида. – Никакого велосипеда ему не купят.

Шурик надулся и сказал:

– Мой папа тоже купит велосипед. Как будет получка, так и купит.

Первое утро с коростелевым. – В гостях

Загремело железо во дворе. Сережа посмотрел в калитку: это Коростелев снимал болты и отворял ставни. Он был в полосатой рубашке и голубом галстуке, мокрые волосы гладко зачесаны. Он отворил ставни, а мама изнутри толкнула створки окна, они распахнулись, и мама что-то сказала Коростелеву. Он ответил ей, облокотясь на подоконник. Она протянула руки и сжала его лицо в ладонях. Они не замечали, что с улицы смотрят ребята.

Сережа вошел во двор и сказал:

– Коростелев! Мне нужно лопату.

– Лопату?.. – переспросил Коростелев.

– И вообще все, – сказал Сережа.

– Войди, – сказала мама, – и возьми, что тебе надо.

В маминой комнате стоял непривычный запах – табака и чужого дыхания. Чужие вещи валялись тут и там: одежда, щетка, папиросные коробки на столе... Мама расплетала косу. Когда она расплетает свои длинные косы, бесчисленные каштановые змейки закрывают ее ниже пояса; а потом она их расчесывает, пока они не распрямятся и не станут похожи на летний ливень... Из-за каштановых змеек мама сказала:

– С добрым утром, Сереженька.

Он не ответил, занятый видом коробок. Они были пленительны своей новизной и одинаковостью. Он взял одну, она была заклеена, не открывалась.

– Положи на место, – сказала мама, видевшая все в зеркале. – Ты ведь пришел за игрушками?

Кубик лежал за комодом. Сережа, присев на корточки, видел его, но достать не мог: рука не дотягивалась.

– Что ты там пыхтишь? – спросила мама.

– Мне никак, – ответил Сережа.

Вошел Коростелев. Сережа спросил его:

– Ты мне потом отдашь эти коробки?

(Он знал, что взрослые отдают детям коробки тогда, когда то, что в коробках, уже выкурено или съедено.)

– Вот тебе в порядке аванса, – сказал Коростелев.

И подарил Сереже одну коробку, выложив из нее папиросы. Мама попросила:

– Помогите ему. У него что-то завалилось за комод.

Коростелев ухватил комод своими большими руками – старый комод заскрипел, подвинулся, и Сережа без труда достал кубик.

– Здо`рово! – сказал он, с одобрением посмотрев вверх на Коростелева.

И ушел, прижимая к груди коробку, кубик и еще столько игрушек, сколько смог захватить. Он снес их в комнату тети Паши и свалил на пол, между своей кроватью и шкафом.

– Ты забыл лопату, – сказала мама. – Так срочно она была тебе нужна, а ее-то ты и забыл.

Сережа молча взял лопату и отправился во двор. Ему уже расхотелось копать, он только что задумал переложить свои фантики – бумажки от конфет – в новую коробку, но было неудобно не покопать хоть немножко, когда мама так сказала.

Под яблоней земля рыхлая и легче поддается. Копая, он старался забирать поглубже – на полную лопату. Это была работа не за страх, а за совесть, он кряхтел от усилий, мускулы напрягались на его руках и на голой узенькой спине, золотистой от загара. Коростелев стоял на террасе, курил и смотрел на него.

Явилась Лида с Виктором на руках и сказала:

– Давай цветов насажаем. Красиво будет.

Она усадила Виктора наземь, прислонив к яблоне, чтобы он не падал. Но он все равно сейчас же упал – на бок.

– Ну, ты, сиди! – прикрикнула Лида, встряхнула его и усадила покрепче. – Глупый ребенок. Другие уже сидят в этом возрасте.

Она говорила нарочно громко, чтобы Коростелев на террасе услышал и понял, какая она взрослая и умная. Искося поглядывая на него, она принесла ноготков и воткнула в землю, вскопанную Сережей, приговаривая:

– Вот видишь, до чего красиво!

А потом принесла из-под желоба белых и красных камушков и разложила вокруг ноготков. Она растирала землю в пальцах и прихлопывала ладонями, руки у нее стали черные.

– Не красиво разве? – спрашивала она. – Говори, только не ври.

– Да, – признался Сережа. – Красиво.

– Эх, ты! – сказала Лида. – Ничего без меня не умеешь сделать.

Тут Виктор опять упал, на этот раз затылком.

– Ну и лежи, раз ты такой, – сказала Лида.

Виктор не плакал, сосал свой кулак и изумленно смотрел на листья, шевелящиеся над ним. А Лида взяла скакалку, которою была подпоясана вместо пояса, и принялась скакать перед террасой, громко считая: «Раз, два, три...» Коростелев засмеялся и ушел с террасы.

– Смотри, – сказал Сережа, – по нем муравьи лазят.

– Фу, дурак! – с досадой сказала Лида, подняла Виктора и стала счищать с него муравьев, и от чистки его платье и голые ноги почернели.

– Моют, моют его, – сказала Лида, – и все он грязный.

Мама позвала с террасы:

– Сережа! Иди одеваться, пойдем в гости.

Он охотно побежал на зов – в гости ходят ведь не каждый день. В гостях хорошо, дают конфеты и показывают игрушки.

– Мы пойдем к бабушке Насте, – объяснила мама, хотя он не спрашивал – неважно к кому, лишь бы в гости.

Бабушка Настя – серьезная и строгая, на голове белый платочек в крапушку, завязанный под подбородком. У нее есть орден, на ордене Ленин. И всегда она носит черную кошелку с застежкой-молнией. Открывает кошелку и дает Сереже что-нибудь вкусное. А в гостях у нее Сережа еще не был.

Все они нарядились – и он, и мама, и Коростелев – и пошли. Коростелев и мама взяли его за руки с двух сторон, но он скоро вырвался: куда веселей идти самому. Можно остановиться и посмотреть в щелку чужого забора, как там страшная собака сидит на цепи и ходят гуси. Можно убежать вперед и прибежать обратно к маме. Погудеть и пошипеть, изображая паровоз. Сорвать с куста зеленый стручок – пищик – и попищать. Поднять с земли золотую копейку, которую кто-то потерял. А когда тебя ведут, то только руки потеют, и никакой радости.

Пришли к маленькому домику с двумя маленькими окошками на улицу. И двор был маленький, и комнатки. Ход в комнатки был через кухню с огромной русской печкой. Бабушка Настя вышла навстречу и сказала:

– Поздравляю вас.

Должно быть, был какой-то праздник. Сережа ответил, как отвечала в таких случаях тетя Паша:

– И вас также.

Он осмотрелся: игрушек не видно, даже никаких фигурок, что ставят для украшения, – только скучные вещи для спанья и еды. Сережа спросил:

– У вас игрушки есть?

(Может быть, есть, но спрятаны.)

– Вот чего нет, того нет, – отвечала бабушка Настя. – Детей маленьких нет, ну и игрушек нет. Съешь конфетку.

Синяя стеклянная вазочка с конфетами стояла на столе среди пирогов. Все сели за стол. Коростелев открыл штопором бутылку и налил в рюмки темно-красное вино.

– Сережке не надо, – сказала мама.

Вечно так: сами пьют, а ему не надо. Как самое лучшее, так ему не дают.

Но Коростелев сказал:

– Я немножко. Пусть тоже за нас выпьет.

И налил Сереже рюмочку, из чего Сережа заключил, что с ним, пожалуй, не пропадешь.

Все стали стучаться рюмками, и Сережа стучался.

Тут была еще одна бабушка. Сереже сказали, что это не просто бабушка, а прабабушка, так он ее чтоб и называл. Коростелев, впрочем, звал ее бабушкой без «пра». Сереже она ужасно не понравилась. Она сказала:

– Он зальет скатерть.

Он действительно пролил на скатерть немного вина, когда стучался. Она сказала:

– Ну, конечно.

И высыпала на мокрое место соль из солонки, недовольно сопя. И потом все время следила за Сережей. На глазах у нее были очки. Она была старая-престарая. Руки коричневые, сморщенные, в шишках, большущий нос загибался вниз, а костлявый подбородок – вверх.

Вино оказалось сладким и вкусным, Сережа выпил сразу. Ему дали пирог, он стал есть и раскрошил. Прабабушка сказала:

– Как ты ешь!

Сидеть было неудобно, он заерзал на стуле. Она сказала:

– Как ты сидишь!

А ему стало горячо в середине, и захотелось петь. Он запел. Она сказала:

– Веди себя как следует.

Коростелев заступился за Сережу:

– Оставьте. Дайте парню жить.

Прабабушка пригрозила:

– Погодите, он вам себя покажет!

Она тоже выпила вина, глаза у нее за очками так и сверкали. Но Сережа крикнул ей храбро:

– Пошла вон! Я тебя не боюсь!

– Какой ужас! – сказала мама.

– Ерунда, – сказал Коростелев. – Сейчас пройдет. Сколько он там выпил.

– Я хочу еще! – крикнул Сережа, потянулся к своей рюмке и опрокинул пустую бутылку.

Зазвенела посуда. Мама ахнула. Прабабушка ударила кулаком по столу и воскликнула:

– Вы видите, что делается!

А Сереже захотелось качаться. Он стал качаться из стороны в сторону. И стол с пирогами качался перед ним, и мама, и Коростелев, и бабушка Настя, разговаривая, качались на качелях, это было смешно, Сережа хохотал. Вдруг он услышал пение. Это пела прабабушка. Держа очки в шишковатой руке и размахивая ими, пела о том, как выходила на берег Катюша, выходила, песню заводила. Под прабабушкино пение Сережа заснул, положив голову на кусок пирога.

...Проснулся – прабабушки не было, а остальные пили чай. Они улыбнулись Сереже. Мама спросила:

– Пришел в себя? Не будешь больше буянить?

«Разве я буянил?» – подумал Сережа, удивившись.

Мама достала из сумочки гребешок и причесала Сережу. Бабушка Настя сказала:

– Съешь конфетку.

В соседней комнате, за пестрой полинялой занавеской, повешенной вместо двери, кто-то храпел: хрр! хрр! Сереза осторожно отодвинул занавеску, заглянул и обнаружил, что там на кровати спит прабабушка. Сереза чинно отошел от занавески и сказал:

– Пошли домой. Надоело в гостях.

Прощаясь, он услышал, что Коростелев назвал бабушку Настю «мама». Сереза и не знал, что у Коростелева есть мама, он думал – Коростелев и бабушка Настя просто знакомые.

Обратный путь показался Серезе долгим и неинтересным. Сереза подумал: «Пусть-ка Коростелев меня понесет, раз он мой папа». Ему случалось видеть, как отцы носят сыновей на плече. Сыновья сидят и задаются, и им, должно быть, далеко видно сверху. Сереза сказал:

– У меня ноги заболели.

– Уже близко, – сказала мама. – Потерпи.

Но Сереза забежал спереди и охватил колени Коростелева.

– Ты же большой, – сказала мама, – как не стыдно проситься на руки! – Но Коростелев поднял Серезу и усадил к себе на плечо.

Сереза очутился очень высоко. Ему ни капельки не было страшно: не мог такой великан, запросто сдвигающий с места комоды, его уронить. С высоты было видно, что делается во дворах за заборами и даже на крышах; прекрасно видно! Это увлекательное зрелище занимало Серезу всю дорогу. Гордо посматривал он вниз на встречных мальчиков, идущих на собственных ногах. И с ощущением новых крупных своих преимуществ прибыл домой – на отцовском плече, как положено сыну.

Купили велосипед

И на этом же плече он отправился в воскресенье в магазин за велосипедом.

Воскресенье наступило внезапно, раньше, чем он надеялся, и Сережа сильно взволновался, узнав, что оно наступило.

– Ты не забыл? – спросил он Коростелева.

– Как же я забуду, – ответил Коростелев, – сходим обязательно, вот только управлюсь маленько с делами.

Насчет дел он соврал. Никаких дел у него не оказалось, просто он сидел и разговаривал с мамой. Разговор был непонятный и неинтересный, но им нравился, они говорили да говорили. Особенно мама длинно говорит: одно и то же слово повторяет зачем-то сто раз. От нее и Коростелев этому учится. Сережа кружит вокруг них, стихший от внутреннего возбуждения, весь сосредоточенный на одной мысли, и ждет – когда же им надоест их занятие.

– Ты все понимаешь, – говорит мама. – До чего я рада, что ты все понимаешь.

– Сказать откровенно, – отвечает Коростелев, – я до тебя мало понимал в данном вопросе. Многого я не понимал, только тогда и стал понимать, когда – ты понимаешь.

Они берутся за руки, словно играют в «золотые ворота».

– Я была девочка, – говорит мама. – Мне казалось, что я счастлива безумно. Потом мне казалось, что я умру от горя. А сейчас кажется, что все это приснилось...

Она напала на новое слово и твердит его, закрыв свое лицо коростелевскими большими руками:

– Приснилось, понимаешь? Как сны снятся. Это во сне было. Мне снился сон. А наяву – ты...

Коростелев прерывает ее и говорит:

– Я тебя люблю.

Мама не верит:

– Правда?

– Люблю, – подтверждает Коростелев. А мама все равно не верит:

– Правда – любишь?

«Сказал бы ей: “честное пионерское” или “провалиться мне на этом месте”, – думает Сережа, – она бы и поверила».

Коростелеву надоело отвечать, он умолк и смотрит на маму. А она на него. Они смотрят так, наверно, целый час. Потом мама говорит:

– Я тебя люблю. (Как в игре, когда все по очереди говорят то же самое.)

«Когда это кончится?» – думает Сережа.

Кое-какое знание жизни подсказывает ему, однако, что не следует приставать к взрослым, когда они увлечены своими разговорами: взрослые этого не выносят, они могут рассердиться, и неизвестно, какие будут последствия. И он лишь осторожно напоминает о себе, оставаясь у них на виду и тяжело вздыхая.

И настал-таки конец его мученьям. Коростелев сказал:

– Я на часок уйду, Марьяша, мы с Сережкой договорились сходить тут по одному делу.

Ноги у него длинные, не успел Сережа оглянуться, как вот она – площадь, где магазины. Здесь Коростелев спустил Сережу на землю, и они подошли к магазину игрушек.

В магазинном окне кукла с толстыми щеками улыбалась, расставив ноги в настоящих кожаных башмаках. Синие медведи сидели на красном барабане. Пионерский горн горел золотом. У Сережи дух захватило от предвкушения счастья... Внутри магазина играла музыка. Какой-то дядька сидел на стуле с гармонью в руках. Он не играл, а только время от времени растягивал гармонь, она издавала надрывный рыдающий стон и опять смолкала, а бойкая музыка

слышалась из другого места, со стойки. Празднично одетые дядьки в галстуках стояли перед стойкой и слушали музыку. За стойкой находился старичок-продавец. Он спросил у Коростелева:

– Вы что хотели?

– Детский велосипед, – сказал Коростелев.

Старичок перегнулся через стойку и заглянул на Сережу.

– Трехколесный? – спросил он.

– На кой мне трехколесный... – ответил Сережа дрогнувшим от переживаний голосом.

– Варя! – крикнул старичок.

Никто не пришел на его зов, и он забыл о Сереже – ушел к дядькам и что-то там сделал, и бойкая музыка оборвалась, раздалась медленная и печальная. К великому беспокойству Сережи, и Коростелев словно забыл, зачем они сюда пришли: он тоже перешел к дядькам, и все они стояли неподвижно, глядя перед собой, не думая о Сереже и его трепетном ожидании... Сережа не выдержал и потянул Коростелева за пиджак. Коростелев очнулся и сказал, вздохнув:

– Великолепная пластинка!

– Он нам даст велисапед? – звонко спросил Сережа.

– Варя! – крикнул старичок.

Очевидно, от Вари зависело – будет у Сережи велосипед или не будет. И Варя пришла наконец, она вошла через низенькую дверку за стойкой, между полками, в руке у Вари был бублик, она жевала, и старичок велел ей принести из кладовой двухколесный велосипед. «Для молодого человека», – сказал он. Сереже понравилось, что его так назвали.

Кладовая помещалась, несомненно, за тридевять земель, в тридесятом царстве, потому что Вари не было целую вечность. Пока она пропадала, тот дядька успел купить гармонь, а Коростелев купил патефон. Это ящик, в него вставляют круглую черную пластинку, она крутится и играет – веселое или грустное, какого захочется; этот-то ящик и играл на стойке. И много пластинок в бумажных мешках купил Коростелев, и две коробки каких-то иголок.

– Это для мамы, – сказал он Сереже. – Мы ей принесем подарок.

Дядьки со вниманием смотрели, как старичок заворачивает покупки. А тут явилась из тридесятого царства Варя и принесла велосипед. Настоящий велосипед со спицами, звонком, рулем, педалями, кожаным седлом и маленьким красным фонариком! И даже у него был сзади номер на железной дощечке – черные цифры на желтой дощечке!

– Вы будете иметь вещь, – сказал старичок. – Крутите руль. Звоните в звонок. Жмите педали. Жмите, чего вы на них смотрите! Ну? Это вещь, а не что-нибудь. Вы будете каждый день говорить мне спасибо.

Коростелев добросовестно крутил руль, звонил в звонок и давил на педали, а Сережа смотрел почти с испугом, приоткрыв рот, коротко дыша, едва веря, что все эти сокровища будут принадлежать ему.

Домой он ехал на велосипеде. То есть – сидел на кожаном седле, чувствуя его приятную упругость, держался неуверенными руками за руль и пытался овладеть ускользающими, непослушными педалями. Коростелев, согнувшись в три погибели, катил велосипед, не давая ему упасть. Красный и запыхавшийся, он довез таким образом Сережу до калитки и прислонил к лавочке.

– Теперь сам учишь, – сказал он. – Запарил ты меня, брат, совсем.

И ушел в дом. А к Сереже подошли Женька, Лида и Шурик.

– Я уже немножко научился! – сказал им Сережа. – Отойдите, а то я вас задавлю!

Он попробовал отъехать от лавочки и свалился.

– Фу ты! – сказал он, выбираясь из-под велосипеда и смеясь, чтобы показать, что ничего особенного не случилось. – Не туда крутнул руль. Очень трудно попадать на педали.

– Ты разуйся, – посоветовал Женька. – Босиком лучше – пальцами цепляться можно. Дай-ка я попробую. А ну, подержите. – Он взобрался на сиденье. – Держите крепче.

Но хотя его держали трое, он тоже свалился, а с ним за компанию Сережа, державший усерднее всех.

– Теперь я, – сказала Лида.

– Нет, я! – сказал Шурик.

– Пылица чертова, – сказал Женька. – По ней разве научишься. Пошли в Васькин проулок.

Так они называли короткий непроезжий переулок-тупик, лежавший позади Васькиного сада. По другую сторону переулка находился дровяной склад, обнесенный высоким забором. Кудрявая, мягкая, низенькая травка росла в этом тихом переулке, где так уютно было играть, удалясь от взрослых. И хотя тупым концом он упирался в тимохинский огород, и две матери – Васькина и Шурикина – равноправно выплескивали из-за своих плетней мыльные помои на кудрявую травку, – но никто ведь не усомнится в том, что первый человек в этих местах – Васька, потому что переулок был назван Васькиным именем.

Туда повел велосипед Женька. Лида и Шурик помогали, споря по дороге, кто первый будет учиться кататься, а Сережа бежал сзади, хватаясь за колесо.

Женька, как старший, объявил, что первым будет он. За ним училась Лида, за Лидой Шурик. Потом Сереже дали поучиться, но очень скоро Женька сказал:

– Хватит! Слазь! Моя очередь!

Сереже страшно не хотелось слезать, он вцепился в велосипед руками и ногами и сказал:

– Я хочу еще! Это мой велисапед!

Но сейчас же Шурик его выругал, как и следовало ожидать:

– У, жадина!

А Лида добавила нарочно противным голосом:

– Жадина-говядина!

Быть жадиной-говядиной очень стыдно, Сережа молча слез и отошел. Он удалился к тимохинскому плетню и, стоя к ребятам спиной, заплакал. Он плакал потому, что ему было обидно; потому, что он не умел постоять за себя; потому, что ничего на свете ему сейчас не нужно, кроме велосипеда, а они, грубые и сильные, этого не понимают!

Они не обращали на него внимания. Он слышал их громкие споры, звонки и железный лязг падающего велосипеда. Его никто не позвал, не сказал: «Теперь ты». Они катались уже по третьему разу! А он стоял и плакал. Как вдруг за своим плетнем появился Васька.

Появился, голый до пояса, в слишком длинных – на вырост – штанах, подпоясанных ремешком, в кепке козырьком назад, – подавляющая, сильная личность! Какую-нибудь минутку смотрел он через плетень и все понял.

– Эй! – крикнул он. – Вы чего делаете? Велисапед кому купили – ему или вам? Иди давай, Сергей!

Он перескочил через плетень и взялся за руль властной рукой. Женька, Лида и Шурик смиренно отступили. Сережа приблизился, рукавом утирая слезы. Лида пискнула было:

– Две жадины!

– А ты – паразитка, – ответил Васька. И еще сказал про Лиду нехорошие слова. – Не могла обождать, пока маленький научится. – И велел Сереже: – Садись.

Сережа сел и долго учился. И все ребята помогали ему, кроме Лиды, – она сидела на траве, плела венок из одуванчиков и делала вид, что ей гораздо веселее, чем тем, кто ездит на велосипеде. Потом Васька сказал:

– Теперь я, – и Сережа с удовольствием уступил ему место, он все готов был сделать для Васьки. Потом Сережа катался уже сам, без помощи, и почти не падал, только велосипед

вилял во все стороны, и Сережа нечаянно попал ногой в колесо, и четыре спицы вывалились, но ничего, велосипед все равно ездил. Потом Сереже стало жалко ребят, он сказал:

– И они пускай. Будем все по разу.

Тетя Паша вышла во двор, услышав на улице Сережин плач.

Отворилась калитка, гуськом вошли ребята. Впереди шел Сережа, он нес велосипедный руль, Васька нес раму, Женька – два колеса, на каждом плече по колесу, Лида – звонок, а сзади семенял Шурик с пучком велосипедных спиц.

– Господи ты боже мой! – сказала тетя Паша.

Шурик сказал басом:

– Это он сам. Он ногой в колесо попал.

Вышел Коростелев и удивился.

– Ловко вы его, – сказал он.

Сережа горько плакал.

– Не горюй, починим, – пообещал Коростелев. – Отдадим в мастерскую – будет как новый.

Сережа только рукой махнул и ушел плакать в тети-Пашину комнату: это Коростелев просто так говорит, чтобы утешить; разве можно из этих обломков сделать прежний прекрасный велосипед? Тот, что ехал, и звонил, и сверкал спицами на солнце? Невозможно, невозможно! Все пропало, все! Сережа убивался целый день, не радовал его и патефон, который для него специально заводил Коростелев. «Загудели, заиграли провода! Мы такого не видали никогда!» – на всю улицу бешено веселился ящик с пластинкой, а Сережа слушал и не слышал, думал о своем, безотрадно качая головой.

...Но что вы думаете – велосипед действительно починили, Коростелев не надул! Его починили слесари в совхозе «Ясный берег». «Только чтоб большие ребята на нем не катались, – сказали слесари, – а то он опять развалится». Васька и Женька послушались, катались с тех пор Сережа да Шурик, да Лида каталась потихоньку от взрослых, но Лида худая и не очень тяжелая, пусть уж ее.

Сережа здорово научился ездить, научился даже съезжать с горки, бросив руль и сложив руки на груди, как – видел он – делал один ученый велосипедист. Но почему-то уже не было у Сережи того счастья обладания, того восторга взхалеб, как в первые блаженные часы...

А там и надоел ему велосипед. Стоял в кухне со своим красным фонариком и серебряным звонком, красивый и исправный, а Сережа пешком отправлялся по делам, равнодушный к его красоте: надоело, и все, что ж тут сделаешь.

Какая разница между коростелевым и другими

Сколько ненужных слов у взрослых! Вот, например: пил Сережа чай и пролил, тетя Паша говорит:

– Экий неаккуратный! Не настачишься на тебя скатертей! Не маленький уж, кажется!

Тут все слова ненужные, по Сережиному мнению. Во-первых, он их слышал уже сто раз. А во-вторых, и без них понимает, что виноват: как пролил, так сразу понял и огорчился. Ему стыдно и хочется одного – чтобы она поскорей убрала скатерть, пока другие не видели. Но она говорит еще и еще:

– Никогда ты не подумаешь, что кто-то эту скатерть стирал, крахмалил, гладил, старался...

– Я не нарочно, – объясняет ей Сережа. – У меня чашка из пальцев выскочила.

– Скатерть старенькая, – не унимается тетя Паша, – а я ее штопала, целый вечер сидела, сколько труда вложила.

Как будто если скатерть новая, то можно ее обливать.

В заключение тетя Паша говорит возмущенно:

– Еще бы ты это нарочно сделал! Этого не хватало!

То же самое говорится, если Сережа разобьет что-нибудь. А когда они сами бьют стаканы и тарелки, то как будто так и надо.

Или как, например, мама заботится, чтобы он говорил «пожалуйста», а это слово даже и не значит ничего.

– Оно обозначает просьбу, – сказала мама. – Ты у меня просишь карандаш и в знак того, что это просьба, ты добавляешь: пожалуйста.

– А ты не поняла, – спросил Сережа, – что я у тебя попросил карандаш?

– Поняла, но без «пожалуйста» – это невежливо, невоспитанно. На что это похоже – «дай карандаш»? А если ты скажешь: «Дай карандаш, пожалуйста», – это вежливо, и я с удовольствием дам.

– А если не скажу – без удовольствия дашь?

– Совсем не дам! – сказала мама.

– Хорошо, пожалуйста, – Сережа говорит им «пожалуйста», – при всех своих странностях они сильны и властвуют над детьми, они могут дать или не дать Сереже карандаш, как им вздумается.

Вот Коростелев не беспокоится о пустяках, даже внимания не обращает – сказал Сережа «пожалуйста» или не сказал.

И если Сережа занят в своем уголке и ему нельзя, чтобы его отрывали, – Коростелев никогда не разрушит его игру, не скажет что-нибудь глупое, вроде: «А ну, иди, я тебя поцелую!» – как Лукьяныч говорит, придя с работы. Поцеловав Сережу своей жесткой бородкой, Лукьяныч дает ему шоколадку или яблоко. Спасибо, но зачем же, скажите пожалуйста, непременно целоваться и отрывать человека от игры, – игра важнее яблока, яблоко Сережа и потом бы съел.

...В дом ходят разные люди – по большей части к Коростелеву. Чаще всех бывает дядя Толя. Он молодой и красивый, у него длинные черные ресницы, белые зубы и застенчивая улыбка. Сережа питает к нему почтение и интерес, потому что дядя Толя умеет сочинять стихи. Его уговаривают прочитать новый стишок, он сперва стесняется и отказывается, потом встает, отходит в сторонку и читает наизусть. Про что он не насочинял стихов: и про войну, и про мир, и про колхозы, и про фашистов, и про весну, и про какую-то женщину с синими глазами, которую он все ждет, все ждет и никак не может дождаться. Великолепные стихи! Совершенно такие же певучие и гладкие, как в книжках. Перед чтением дядя Толя откашливается и отки-

дывает рукой свои черные волосы, а читает громко, глядя на потолок. Все его хвалят, и мама наливает ему чаю. За чаем разговаривают о коровьих болезнях: дядя Толя в совхозе «Ясный берег» лечит коров.

Но не все приходящие в дом такие занимательные и приятные. Дяди Пети, например, Сережа сторонится: у него лицо противное, а голова бледно-розовая и голая, как целлулоидный мячик. И смех противный: «гы-гы-гы-гы!» Однажды, сидя на террасе с мамой – Коростелева не было, – дядя Петя подозвал Сережу и дал ему конфету, большую и редкую – «Мишка косолапый». Сережа вежливо сказал: «Спасибо», развернул бумажку, а в ней ничего – пустышка. Сереже стало совестно – за себя, что поверил, и за дядю Петю, что тот обманул. Сережа увидел, что и маме совестно, она тоже поверила...

– Гы-гы-гы-гы! – засмеялся дядя Петя.

Сережа сказал не сердито, с сожалением:

– Дядя Петя, ты дурак.

Он был уверен, что мама с ним согласна. Но она воскликнула:

– Это что такое! Извинись сейчас же!

Сережа посмотрел на нее удивленно.

– Ты слышал, что я сказала? – спросила мама.

Он молчал. Она взяла его за руку и увела в дом.

– Не смей и подходить ко мне, – сказала она. – Не хочу с тобой разговаривать, раз ты такой грубиян.

Она постояла, ожидая, что он раскается и попросит прощения. Он сжал губы и отвел глаза, ставшие грустными и холодными. Он не чувствовал себя виноватым: в чем же он должен просить прощения? Он сказал то, что подумал.

Она ушла. Он побрел к себе и занялся игрушками, бессознательно стараясь отвлечься от случившегося. Его тоненькие пальцы дрожали; перебирая фигуры, вырезанные из старых карт, он нечаянно оторвал черной даме одну голову... Почему мама заступилась за глупого дядю Петю? Вон она с ним разговаривает и смеется как ни в чем не бывало, а с Сережей не хочет разговаривать...

Вечером он слышал, как она рассказывала о происшествии Коростелеву.

– Ну и правильно, – сказал Коростелев. – Это называется – справедливая критика.

– Разве можно допустить, – возразила мама, – чтобы ребенок критиковал взрослых? Если дети примутся нас критиковать – как мы их будем воспитывать? Ребенок должен уважать взрослых.

– Да за что ему, помилуй, уважать этого олуха! – сказал Коростелев.

– Обязан уважать. У него даже мысль не должна возникнуть, что взрослый может быть олухом. Пусть сначала дорастет до этого самого Петра Ильича, а потом уж его критикует.

– По-моему, – сказал Коростелев, – он давно умственно перерос Петра Ильича. И ни по какой педагогике нельзя взыскивать с парня за то, что он дурака назвал дураком.

Про критику и педагогику Сережа не понял, а про дурака понял и почувствовал к Коростелеву благодарность за эти слова.

Хороший человек Коростелев, странно подумать, что прежде он жил отдельно от Сережи, с бабушкой Настей и прабабушкой, и только изредка приходил в гости.

Он берет Сережу с собой на речку купаться и учит плавать. Мама боится, что Сережа утонет, а Коростелев смеется. Он снял с Сережиной кровати боковую сетку. Мама боялась, что Сережа упадет и расшибется, но Коростелев сказал:

– А вдруг поездом придется ехать? На верхней полке? Пусть привыкает по-взрослому.

Теперь Сереже не надо перелезать через сетку по утрам и по вечерам. Раздевается он, сев на край постели. И спит по-взрослому.

Один раз, говорят, он свалился с кровати. Это было ночью; они слышали, как он упал, и положили его обратно, а утром рассказали ему, что с ним было. Он ничего не помнил и не ушибся нигде. А если не ушибся и не помнишь, то это не в счет.

А вот как-то он упал во дворе, ссадил колени в кровь и пришел домой плача. Тетя Паша заахала и побежала за бинтом. Коростелев сказал:

– Что ты, брат. Сейчас пройдет. А на войну пойдешь и ранят, как же ты тогда?..

– А тебя когда ранили, – спросил Сережа, – ты не плакал?

– Как же бы я плакал: надо мной бы товарищи смеялись. Мы – мужчины, такое уж наше дело.

Сережа перестал плакать и сказал: «ха, ха, ха!» – чтобы доказать свою мужскую сущность. И когда тетя Паша приступила к нему с бинтом, он сказал бесшабашно:

– Завязывай, не бойся! Мне не больно!

Коростелев рассказал ему про войну. С тех пор, сидя с ним рядом за столом, Сережа испытывал гордость: если будет война, кто пойдет воевать? Мы с Коростелевым. Такое уж наше дело. А мама, тетя Паша и Лукьяныч останутся тут ждать, пока мы победим, такое уж ихнее дело.

Женька

Женька – сирота, живет с теткой и сестрой. Сестра ему не родная – теткина дочка. Днем она на работе, а вечером гладит. Она свои платья гладит. Все возится во дворе с большим утюгом, который разогревается угольками. То она дует в утюг, то плюет на него, то наденет на него самоварную трубу. А волосы у нее накручены сардельками на железные штучки.

Выгладив себе платье, она наряжается, распускает волосы и уходит в Дом культуры танцевать. А на другой вечер опять хлопочет с утюгом во дворе.

Тетка тоже работает. Она жалуется, что она и уборщица, и «кульер», и платят ей только как уборщице, а по штату «кульер» полагается особо. Она подолгу стоит с ведрами на углу, у водопроводного крана, и рассказывает женщинам, как она отбрила своего заведующего и какое на него написала заявление.

На Женьку тетка сердится, что он много ест и ничего не делает в доме.

А ему не хочется делать. Он встанет утром, поест, что ему оставили, и идет к ребятам.

Весь день он на улице или у соседей. Тетя Паша его кормит, когда он заходит. Перед тем как тетке вернуться с работы, Женька идет домой и садится за уроки. Ему на лето задана целая куча уроков, потому что он отстающий: во втором классе учился два года, в третьем два года, и в четвертом тоже остался на второй год. Когда он пошел в школу, Васька был еще маленький, а теперь Васька его догнал, несмотря на то что тоже сидел два года в третьем классе.

А по росту и по силе Васька даже обогнал Женьку...

Сначала учителя за Женьку волновались, вызывали тетку и сами к ней ходили, а она им говорила:

– Навязалось мне счастье на голову, делайте с ним что хотите, а у меня возможности нет, он меня объел всю, если хотите знать.

А женщинам жаловалась:

– Устройте ему, говорят, для занятий уголок. Ему не уголок, а плетку бы хорошую, только потому и жалею, что от покойной сестры.

Потом учителя перестали ходить. И даже хвалили Женьку: очень, говорили, дисциплинированный мальчик; другие на уроках шумят, а он сидит тихо, – одно жалко, что редко ходит в школу и ничего не знает.

Они ставили Женьке пятерки за поведение. И еще по пению у него пятерка. А по остальным предметам двойки и единицы.

Перед теткой Женька делает вид, что занимается, чтобы она на него меньше кричала. Она приходит, а он сидит за кухонным столом, где наставлена грязная посуда и валяются тряпки, – сидит и пишет цифры, решая задачу.

– Ты что же, василиск, – начинает тетка, – опять ни воды не принес, ни за керосином не сходил, ничего? Я с тобой, что же, век буду мучиться, рахитик?

– Я занимался, – отвечает Женька.

Тетка кричит – он, укоризненно вздохнув, кладет перо и берет бидон для керосина.

– Ты надо мной смеешься или что?! – кричит тетка не своим голосом. – Ты же знаешь, лукавый, что лавка уже закрыта!!

– Ну, закрыта, – соглашается Женька. – Чего же вы ругаетесь?

– Иди дрова коли!!! – кричит тетка с такой надсадой, что кажется – сию минуту у нее разорвется горло. – Иди, чтоб я тебя без дров тут не видела!!!

Она хватает с лавки ведра и, воинственно размахивая ими, с криком мчится по воду, а Женька не спеша уходит в сарай колоть дрова.

Тетка говорит неправду, будто он ленивый. Ничего подобного. Тетя Паша его о чем-нибудь попросит или ребята – он с удовольствием делает. Его похвалят – он рад и старается сделать как можно лучше. Он как-то вместе с Васькой целый метр дров наколот и сложил.

И что он неспособный, тоже неправда. Сереже подарили железный конструктор, так Женька с Шуриком такой сделали семафор, что с улицы Калинина ребята приходили смотреть: с красным и зеленым огоньками был семафор. Шурик в этом деле сильно помог, он в машинах здорово понимает, потому что у него папа – шофер Тимохин, но Шурик не додумался, что можно взять из Сережиных елочных украшений цветные лампочки и приспособить к семафору, а Женька додумался.

Из Сережиного пластилина Женька лепит человечков и зверей – ничего, похоже. Сережина мама увидела и купила ему тоже пластилин. Но тетка раскричалась, что не разрешит Женьке заниматься глупостями, и выбросила пластилин в уборную.

От Васьки Женька научился курить. Папирос купить ему не на что, он курит Васькины, и когда найдет окурочек на улице, то поднимает и курит. Сережа, жалея Женьку, тоже подбирает с земли окурочки и отдает ему.

Перед младшими Женька не задается, как Васька, – охотно играет с ними во что угодно: в войну так в войну, в милиционеров так в милиционеров, в лото так в лото. Но, как старший, он хочет быть генералом или начальником милиции. А когда играют в лото с картинками и он выигрывает, он рад, а если не выигрывает, то обижается.

Лицо у него доброе, с большими губами, большие уши торчат, а на шее сзади косички, потому что стрижется он редко.

Как-то пошли Васька с Женькой в рощу и Сережу взяли. В роще разожгли костер, чтобы испечь картошку. Они с собой принесли картошек, соли и зеленого лука. Костер горел вяло, дымя горьким дымом. Васька сказал Женьке:

– Поговорим про твое будущее.

Женька сидел, подняв колени к подбородку и охватив их, узкие штаны его вздернулись, открывая тощие ноги. Не отрываясь глядел он на плотные дымовые струйки, сизые и желтые, вытекающие из костра.

– Школу, как ни думай, кончать придется, – продолжал Васька таким тоном, словно он был круглый отличник и старше Женьки по крайней мере на пять классов. – Без образования – кому ты нужен?

– Это-то ясно, – согласился Женька. – Без образования я никому не нужен.

Он взял ветку и разгреб костер, чтобы тот горел веселей. Сырые сучья шипели, из них текла слюна, разгоралось медленно. Вокруг полянки, на которой сидели ребята, пышно росли береза, осина и ольха. В играх ребята воображали эти заросли дремучим лесом. Весной там много ландышей, а летом много комаров. Сейчас комары отступили, потревоженные дымом, но отдельные храбрецы и сквозь дым налетали и кусались, и тогда ребята звонко шлепали себя по ногам и щекам.

– А тетку поставь на место, и все, – посоветовал Васька.

– Попробуй! – возразил Женька. – Попробуй, поставь ее на место!

– Или не обращай внимания.

– Да я и не обращаю. Просто она мне надоела. Просто, ты же видишь, – в печенки въелась.

– А Люська ничего?

– Люська ничего. Люська – что, она замуж устроится.

– За кого?

– Ну, за кого-нибудь. У нее план – за офицера, да тут офицеров нету. Она, может быть, поедет куда-нибудь, где есть офицеры.

Костер разгорелся: огонь одолел влагу и охватил груды сучьев и листья, прыгая озорными острыми язычками. Что-то в нем выстрелило, как из пистолета. Дыма больше не было.

– Сбегай, – велел Васька Сереже, – поищи сухого – подбросить.

Сережа побежал исполнять поручение. Когда он вернулся, говорил Женька, а Васька слушал со вниманием и деловито.

– Как бог буду жить! – говорил Женька. – Ты подумай: вечером придешь в общежитие – постель у тебя, тумбочка... Ляжь и слушай радио или играй в шашки, никто не орет над ухом... Лектора`к тебе ходят, артисты... И поужинать дадут в восемь часов...

– Да, – сказал Васька, – культурно. А тебя примут?

– Я подам заявление. Почему ж не примут. Наверно, примут.

– Ты с какого года?

– Я с тридцать третьего года. Мне на той неделе четырнадцать было.

– Тетка не возражает?

– Она не возражает, только она боится, что если я уеду, то я ей потом не буду помогать.

– А ну ее, – сказал Васька и прибавил нехорошие слова.

– Да я все равно, наверно, уеду, – сказал Женька.

– Ты, главное, прими решение и действуй, – сказал Васька. – А то «наверно» да «наверно», а учебный год начнется – и пойдет твоя волынка опять сначала.

– Да, я, наверно, приму решение, – сказал Женька, – и буду действовать. Я, Вася, знаешь, часто об этом мечтаю. Как вспомню, что уже скоро первое сентября, – так мне нехорошо, так нехорошо...

– Еще бы! – сказал Васька.

Они беседовали о Женькиных планах, пока пеклась картошка. Потом поели, обжигая пальцы и с хрустом разгрызая толстый трубчатый лук, и легли отдыхать. Солнце спускалось, стволы берез стали розовыми, на маленькой полянке, где посредине в сером пепле еще таились невидимые искры, лежала тень. Сереже товарищи велели отгонять комаров. Он сидел и добросовестно махал веткой над спящими, а сам думал: неужели Женька, когда станет рабочим, будет отдавать деньги тетке, которая только кричит на него, – это несправедливо! Впрочем, скоро и он заснул, пристроившись между Васькой и Женькой. Ему приснились офицеры и с ними Люська, Женькина сестра.

Женька не был решительным человеком, он больше любил мечтать, чем действовать, но первое сентября близилось, в школе закончили ремонт, школьники уже ходили туда за тетрадками и учебниками, Лида хвалилась новым форменным платьем, вплотную подходил школьный год со всеми его неприятностями, и Женька принял решение. Если не в ремесленное, то в ФЗО, может быть, возьмут, сказал он. В общем, он решил уезжать.

Многие одобряли его и старались ему помочь. Школа написала характеристику, Короствелев и мама дали Женьке денег, и даже тетка испекла ему на дорогу коржики.

В утро его отъезда тетка попрощалась с ним без криков и попросила не забывать, сколько она для него сделала. Он сказал: «Хорошо, тетя». И добавил: «Спасибо». После этого она ушла в свою контору, а он стал собираться.

Тетка ему подарила деревянный чемодан, выкрашенный зеленой краской. Она долго колебалась, ей жалко было чемодана, но все-таки подарила, сказав: «С мясом от себя отрываю». В этот чемодан Женька уложил рубашку, пару рваных носков, застиранное полотенце и коржики. Ребята смотрели, как он укладывался.

Сережа вдруг сорвался с места и выбежал. Он вернулся запыхавшись, в руках у него был семафор с лампочками – зеленой и красной; он так нравился всем, семафор, что его не разобрали, он стоял на столике, и его показывали гостям.

– Возьми! – сказал Сережа Женьке. – Возьми с собой, мне не надо, он просто так стоит!

– А чего я с ним там буду делать, – сказал Женька, посмотрев на семафор. – И без него килограмм пятнадцать тянуть.

Тогда Сережа опять умчался и примчался с коробкой.

– Ну, это возьми! – сказал он взволнованно. – Ты там будешь лепить. Он легкий.

Женька взял коробку и открыл. В ней были куски пластилина. На Женькином лице мелькнуло удовольствие.

– Ладно, – сказал он, – возьму. И положил коробку в чемодан.

Тимохин обещал отвезти Женьку на станцию: до станции тридцать километров, железная дорога к городу еще не построена... Но как раз накануне тимохинская машина забастовала, мотор отказал, его ремонтируют, а Тимохин спит, сказал Шурик.

– Наплевать! – сказал Васька. – Доедешь.

– На автобусе можно, – сказал Сережа.

– Ловкий ты! – возразил Шурик. – На автобусе платить надо.

– Выйду на шоссе и проголосую, – сказал Женька, – кто-нибудь, наверно, довезет.

Васька подарил ему пачку папирос. А спичек у него не было, спички Женька взял теткины. Все они вышли из теткиного дома. Женька навесил на дверь замок и положил ключ под крыльцо. Пошли. Чемодан был тяжелый как черт – не от того, что в нем лежало, а сам по себе; Женька нес его то в одной руке, то в другой. Васька нес Женькино пальто, а Лида маленького Виктора. Она несла его, выпятив живот, и часто встряхивала, говоря: «Ну, ты! Сиди! Чего тебе надо!»

Было ветрено. Вышли за город, на шоссе – там пыль крутилась столбами, запорашивая глаза. Под ветром серая трава и выцветшие васильки у края шоссе, дрожа, припадали к земле. Как будто совсем безмятежные облака, круглые и белые, стояли в ярко-синем небе, не грозя ничем, но пониже быстро приближалась черная туча, вихрясь лохматыми лапами, и казалось, что это от нее рвется ветер и веет по временам сквозь пыль что-то острое, свежее и облегчает грудь... Ребята остановились, поставили чемодан и стали ждать машины. Как назло, машины все шли со станции в город. Наконец показался грузовик с другой стороны. Он был высоко нагружен ящиками, но возле шофера никого не было. Ребята подняли руки. Шофер поглядел и проехал. Потом в клубах пыли показался черный «газик», почти пустой, – кроме шофера, в нем был всего один человек, но и он проехал, не остановившись.

– Вот дьявол! – выругался Шурик.

– А вы чего голосуете! – сказал Васька. – Я вам проголосую! Они же думают – всю роту надо везти! Пускай Женька один голосует! Вон еще какой-то драндулет.

Ребята повиновались, и когда драндулет с ними поравнялся, никто не поднял руку, кроме Женьки и Васьки: Васька нарушил собственный приказ – большие мальчики всегда позволяют себе то, что они запрещают младшим...

Драндулет проскочил вперед и остановился, Женька побежал к нему с чемоданом, а Васька с пальто. Щелкнула дверца, Женька исчез в машине, а за Женькой исчез Васька. Потом все заслонило облако газа и пыли; когда оно улеглось, на шоссе не было ни Васьки, ни Женьки, и уже далеко виднелся удаляющийся драндулет. Хитрюга Васька, никого не предупредил, не намекнул даже, что поедет провожать Женьку на станцию. Остальные ребята пошли домой. Ветер дул в спину, толкал вперед и хлестал Сережу по лицу его длинными волосами.

– Она ему никогда ничего не пошила, – сказала Лида. – Он обноски носил.

– У нее заведующий сволочь, – сказал Шурик. – Не хочет платить ей как культуре. А она имеет право.

А Сережа шел, подгоняемый ветром, и думал – какой счастливый Женька, что поедет на поезде, Сережа еще ни разу не ездил на поезде... День почернел и вдруг озарился мигающей яростной вспышкой, гром бабахнул как из пушки над головами, и сейчас же бешено хлынул ливень... Ребята побежали, скользя в мгновенно образовавшейся грязи, ливень сек их и пригибал вниз, молнии прыгали по всему небу, и сквозь грохот и раскаты грозы был слышен плач маленького Виктора...

Так уехал Женька. Через сколько-то времени от него пришло два письма: одно Ваське, другое тетке. Васька никому ничего не рассказал, сделал вид, что в письме заключены невесть какие мужские тайны. Тетка же не секретничала и всем сообщала, что Женю, слава богу, приняли в ремесленное. Живет в общежитии. Выдали ему казенное обмундирование. «Пристроила-таки его, – говорила тетка, – в люди выйдет, а через кого, через меня».

Женька не был ни коноводом, ни затейником; ребята скоро привыкли к тому, что его нет. Вспоминая о нем, они радовались, что ему хорошо, у него есть тумбочка и к нему ходят артисты. А если играли в войну, то генералами были теперь по очереди Шурик и Сережа.

Похороны прабабушки

Прабабушка заболела, ее отвезли в больницу. Два дня все говорили, что надо бы съездить проведать, а на третий день, когда дома были только Сережа да тетя Паша, пришла бабушка Настя. Она была еще прямой и суровой, чем всегда, а в руке держала свою черную сумку с застежкой-молнией. Поздоровавшись, бабушка Настя села и сказала:

– Мама-то моя. Померли.

Тетя Паша перекрестилась и ответила:

– Царствие небесное!

Бабушка Настя достала из сумки сливу и дала Сереже.

– Понесла передачку, а они говорят – два часа как померла. Ешь, Сережа, они мытые. Хорошие сливы. Мама любили: положат в чай, распарят и кушают. Нате вам все. – И она стала выкладывать сливы на стол.

– Да зачем, себе оставьте, – сказала тетя Паша.

Бабушка Настя заплакала:

– Не надо мне. Для мамы покупала.

– Сколько им было? – спросила тетя Паша.

– Восемьдесят третий шел. Живут люди и дольше. До девяноста, смотришь, живут.

– Выпейте молочка, – сказала тетя Паша. – Холодненькое, с погребца. Кушать надо, что поделаешь.

– Налейте, – сказала бабушка Настя, сморкаясь, и стала пить молоко. Пила и говорила:

– Так их перед собой и вижу, так они мне и представляются. И какие они умные были, и сколько прочитали книг, удивительно... Пустой мой дом теперь. Я квартирантов пушу.

– Ах-ах-ах! – вздыхала тетя Паша.

Сережа, набрав полные руки слив, вышел во двор, под горячее нежное солнце, и задумался. Если дом бабушки Насти теперь пустой – значит, умерла прабабушка: они ведь вдвоем жили; она, значит, была бабушки-Настиной мамой. И Сережа подумал, что когда он пойдет в гости к бабушке Насте, то уже никто там не будет придираться и делать замечания.

Смерть он видел. Видел мышку, которую убил кот Зайка, а перед этим мышка бегала по полу и Зайка играл с нею, и вдруг он бросился и отскочил, и мышка перестала бегать, и Зайка съел ее, лениво встряхивая сытой мордой... Видел Сережа мертвого котенка, похожего на обрывок грязного меха; мертвых бабочек с разорванными, прозрачными, без пыльцы, крыльшками; мертвых рыбешек, выброшенных на берег; мертвую курицу, которая лежала в кухне на лавке: шея у нее была длинная, как у гуся, и в шее черная дырка, а из дырки в подставленный таз капала кровь. Ни тетя Паша, ни мама не могли зарезать курицу, они поручали это Лукьянычу. Он запирался с курицей в сарае, курица кричала, а Сережа убежал, чтобы не слышать ее криков, и потом, проходя через кухню, с отвращением и невольным любопытством взглядывал искоса, как капает кровь из черной дырки в таз. Его учили, что теперь уже больше не надо жалеть курицу, тетя Паша ощипывала ее своими полными проворными руками и говорила успокоительно:

– Она уже ничего не чувствует.

Одного мертвого воробья Сережа потрогал. Воробей оказался таким холодным, что Сережа со страхом отдернул руку. Он был холодный как льдинка, бедный воробей, лежавший ножками вверх под кустом сирени, теплой от солнца.

Неподвижность и холод – это, очевидно, и называется смерть.

Лида сказала про воробья:

– Давай его хоронить!

Она принесла коробочку, выстлала ее внутри лоскутком материи, из другого лоскутка сложила подушечку и убрала кружевом: многое умела Лида, надо ей отдать справедливость. Сереже она велела выкопать ямку. Они отнесли коробочку с воробьем к ямке, закрыли крышкой и засыпали землей. Лида руками выровняла маленький холмик и воткнула веточку.

– Вот как мы его похоронили! – похвалилась она. – Он и не мечтал!

Васька и Женька отказались участвовать в этой игре, сидели поодаль и, покуривая, наблюдали хмуро, но не насмехались.

Люди тоже иногда умирают. Их кладут в длинные ящики – гробы – и несут по улицам. Сережа это видел издали. Но мертвого человека он не видел.

...Тетя Паша наполнила глубокую тарелку вареным рисом, белым и рассыпчатым, а по краям тарелки разложила красные мармеладки. Посредине, поверх риса, она сделала из мармеладов не то цветок, не то звезду.

– Это звезда? – спросил Сережа.

– Это крест, – ответила тетя Паша. – Мы с тобой пойдем прабабушку хоронить.

Она вымыла Сереже лицо, руки и ноги, надела на него носки, туфли, матросский костюм и матросскую шапку с лентами – очень много вещей! Сама тоже хорошо оделась – в черный кружевной шарф. Тарелку с рисом завязала в белую салфетку. Еще она несла букет и Сереже дала нести цветы, два георгина на толстых ветках.

Васькина мать шла с коромыслом по воду. Сережа сказал ей:

– Здравствуйтесь! Мы идем хоронить прабабушку!

Лида стояла у своих ворот с маленьким Виктором на руках. Сережа и ей крикнул: «Я иду хоронить прабабушку!» – и она проводила его взглядом, полным зависти. Он знал, что ей тоже хочется пойти, но она не решается, потому что он так парадно одет, а она в грязном платье и босиком. Он пожалел ее и, обернувшись, позвал:

– Пойдем с нами! Ничего!

Но она очень гордая, она не пошла и ничего не сказала, только смотрела ему вслед, пока он не свернул за угол.

Одну улицу прошли, другую. Было жарко. Сережа устал нести два тяжелых цветка и сказал тете Паше:

– Понеси лучше ты.

Она понесла. А он стал спотыкаться: идет и спотыкается на ровном месте.

– Ты что все спотыкаешься? – спросила тетя Паша.

– Потому что мне жарко, – ответил он. – Сними с меня это. Я хочу идти в одних штанах.

– Не выдумывай, – сказала тетя Паша. – Кто это тебя пустит на похороны в одних штанах.

Вот сейчас дойдем до остановки и сядем в автобус.

Сережа обрадовался и бодрее пошел по бесконечной улице, вдоль бесконечных заборов, из-за которых свешивались деревья.

Навстречу, пыля, шли коровы. Тетя Паша сказала:

– Держись за меня.

– Я хочу пить, – сказал Сережа.

– Не выдумывай, – сказала тетя Паша. – Ничего ты не хочешь пить.

Это она ошиблась: ему в самом деле хотелось пить. Но когда она так сказала, ему стало хотеться меньше.

Коровы прошли, медленно качая серьезными мордами. У каждой вымя было полно молока.

На площади Сережа с тетей Пашей сели в автобус, на детские места. Сереже редко приходилось ездить в автобусе, он это развлечение ценил. Стоя на скамье коленями, он смотрел в окно и оглядывался на соседа. Сосед был толстый мальчишка, меньше Сережи, он сосал леденцового петуха на деревянной палочке. Щеки у соседа были замусолены леденцом. Он

тоже смотрел на Сережу, взгляд его выражал вот что: «А у тебя леденцового петуха нет, ага!» Подошла кондукторша.

– За мальчика надо платить? – спросила тетя Паша.

– Примерься, мальчик, – сказала кондукторша.

Там у них нарисована черная черта, по которой меряют детей: кто дорос до черты, за тех надо платить. Сережа стал под чертой и немножко приподнялся на цыпочках.

Кондукторша сказала:

– Платите.

Сережа победно посмотрел на мальчишку: «А на меня зато билет берут, – сказал он ему мысленно, – а на тебя не берут, ага!» Но окончательная победа осталась за мальчишкой, потому что он поехал дальше, когда Сереже и тете Паше уже пришлось выходить.

Они оказались перед белыми каменными воротами. За воротами длинные белые дома, обсаженные молодыми деревцами, стволы деревцов тоже побелены мелом. Люди в синих халатах гуляли и сидели на лавочках.

– Это мы где? – спросил Сережа.

– В больнице, – ответила тетя Паша.

Пришли к самому последнему дому, завернули за угол, и Сережа увидел Коростелева, маму, Лукьяныча и бабушку Настю. Все стояли у широкой открытой двери. Еще были три чужие старухи в платочках.

– Мы приехали на автобусе! – сказал Сережа.

Никто не ответил, а тетя Паша шикнула на него, и он понял, что разговаривать почему-то нельзя. Сами они разговаривали, но тихо. Мама сказала тете Паше:

– Зачем вы его привели, не понимаю!

Коростелев стоял, держа кепку в опущенной руке, лицо у него было кроткое и задумчивое. Сережа заглянул в дверь – тут были ступеньки, спуск в подвал, из подвального сумрака дохнуло сырой прохладой... Все медленно двинулись и стали спускаться по ступенькам, и Сережа за ними.

После дневного света в подвале сначала показалось темно. Потом Сережа увидел широкую лавку вдоль стены, белый потолок и шербатый цементный пол, а посередине высоко деревянный гроб с оборочкой из марли. Было холодно, пахло землей и еще чем-то. Бабушка Настя большими шагами подошла к гробу и склонилась над ним.

– Что это, – тихо сказала тетя Паша. – Как руки положены. Господи ты боже мой. Навытяжку.

– Они неверующие были, – сказала бабушка Настя, выпрямившись.

– Мало ли чего, – сказала тетя Паша. – Она не солдат, чтобы так являться перед господом. – И обратилась к старухам: – Как же вы недоглядели!

Старухи завздыхали... Сереже снизу ничего не было видно. Он влез на лавку и, вытянув шею, сверху посмотрел в гроб...

Он думал, что в гробу прабабушка. Но там лежало что-то непонятное. *Оно* напоминало прабабушку: такой же запавший рот и костлявый подбородок, торчащий вверх. Но *оно* было не прабабушка. *Оно* было неизвестно что. У человека не бывает *так* закрытых глаз. Даже когда человек спит, глаза у него закрыты иначе...

Оно было длинное-длинное... А прабабушка была коротенькая. *Оно* было плотно окружено холодом, мраком и тишиной, в которой боязливо шептались стоящие у гроба. Сереже стало страшно. Но если бы *оно* вдруг ожило, это было бы еще страшней. Если бы *оно*, например, сделало: хрр... При мысли об этом Сережа вскрикнул.

Он вскрикнул, и, словно услышав этот крик, сверху, с солнца, близко и весело отозвался живой резкий звук, звук автомобильной сирены... Мама схватила Сережу и вынесла из подвала. У двери стоял грузовик с откинутым бортом. Ходили дядьки и покуривали. В

кабине сидела тетя Тося, шофер, что тогда привезла коростелевское имущество, она работает в «Ясном берегу» и иногда заезжает за Коростелевым. Мама усадила Сережу к ней, сказала: «Сиди-ка тут!» – и закрыла кабину. Тетя Тося спросила:

– Прабабушку проводить пришел? Ты ее, что же, любил?

– Нет, – откровенно ответил Сережа. – Не любил.

– Зачем же ты тогда пришел? – сказала тетя Тося. – Если не любил, то на это смотреть не надо.

Свет и голоса отогнали ужас, но сразу отделаться от пережитого впечатления Сережа не мог, он беспокойно ерзал, озирался, думал и спросил:

– Что это значит – являться перед господом?

Тетя Тося усмехнулась:

– Это просто так говорится.

– Почему говорится?

– Старые люди говорят. Ты не слушай. Это глупости.

Посидели молча. Тетя Тося сказала загадочно, щури зеленые глаза:

– Все там будем.

«Где – там?» – подумал Сережа. Но уточнять это дело у него не было охоты, он не спросил. Увидев, что из подвала выносят гроб, он отвернулся. Было облегчение в том, что гроб закрыт крышкой. Но очень неприятно, что его поставили на грузовик.

На кладбище гроб сняли и унесли. Сережа с тетей Тосей не вылезли из кабины, сидели запершись. Кругом были кресты и деревянные вышки с красными звездами. По растрескавшемуся от сухости ближнему холму ползали рыжие муравьи. На других холмах рос бурьян... «Неужели про кладбище она говорила, – подумал Сережа, – что все будем там?..» Те, что уходили, вернулись без гроба. Грузовик поехал.

– Ее засыпали землей? – спросил Сережа.

– Засыпали, детка, засыпали, – сказала тетя Тося.

Когда приехали домой, оказалось, что тетя Паша осталась на кладбище со старухами.

– Надо же Пашеньке пристроить свою кутю, – сказал Лукьяныч. – Варила, трудилась...

Бабушка Настя сказала, снимая платок и поправляя волосы:

– Ругаться с ними, что ли? Пусть покадят, если им без этого нельзя.

Опять они говорили громко и даже улыбались.

– У нашей тети Паши миллион предрассудков, – сказала мама.

Они сели есть. Сережа не мог. Ему противна была еда. Тихий, всматривался он в лица взрослых. Он старался не вспоминать, но *оно* вспоминалось да вспоминалось – длинное, ужасное в холоде и запахе земли.

– Почему, – спросил он, – она сказала – все там будем?

Взрослые замолчали и повернулись к нему.

– Кто тебе сказал? – спросил Коростелев.

– Тетя Тося.

– Не слушай ты тетю Тосю, – сказал Коростелев. – Охота тебе всех слушать.

– Мы, что ли, все умрем?

Они смутились так, будто он спросил что-то неприличное. А он смотрел и ждал ответа.

Коростелев ответил:

– Нет. Мы не умрем. Тетя Тося как себе хочет, а мы не умрем, и в частности ты, я тебе гарантирую.

– Никогда не умру? – спросил Сережа.

– Никогда! – твердо и торжественно пообещал Коростелев.

И Сереже сразу стало легко и прекрасно. От счастья он покраснел – покраснел пунцово – и стал смеяться. Он вдруг ощутил нестерпимую жажду: ведь ему еще когда хотелось пить,

а он забыл. И он выпил много воды, пил и стонал, наслаждаясь. Ни малейшего сомнения не было у него в том, что Коростелев сказал правду: как бы он жил, зная, что умрет? И мог ли не поверить тому, кто сказал: ты не умрешь!

Могущество коростелева

Разрыли землю, поставили столб, протянули провод. Провод сворачивает в Сережин двор и уходит в стену дома. В столовой на столике, рядом с семафором, стоит черный телефон. Это первый и единственный телефон на Дальней улице, и принадлежит он Коростелеву. Ради Коростелева рыли землю, ставили столб, натягивали провод. Другие потому что могут без телефона, а Коростелев не может.

Снимешь трубку и слушаешь – невидимая женщина говорит: «Станция». Коростелев приказывает командирским голосом: «Ясный берег!» Или: «Райком партии!» Или: «Область дайте, трест совхозов!» Сидит, качая длинной ногой, и разговаривает в трубку. И никто в это время не должен его отвлекать, даже мама.

А то зальется телефон дробным серебряным звоном. Сережа мчится, хватая трубку и кричит:

– Я слушаю!

Голос в трубке велит позвать Коростелева. Скольким людям требуется Коростелев! Лукьянычу и маме звонят редко. А Сереже и тете Паше никогда никто не звонит.

Рано утром Коростелев отправляется в «Ясный берег». Днем тетя Тося иногда завозит его домой пообедать. А чаще не завозит, мама звонит в «Ясный берег», а ей говорят, что Коростелев на ферме и будет не скоро.

«Ясный берег» ужасно большой. Сережа и не думал, что он такой большой, пока не поехал однажды с Коростелевым и тетей Тосей на «газике» по коростелевским делам. Уж они ездили, ездили! Громадные просторы бросались навстречу «газику» и распахивались по обе стороны – громадные просторы осенних лугов с высокими-высокими стогами, уходящими к краю земли в бледно-лиловую дымку желтого жнивья и черной бархатной пахоты, кое-где тонко разлинованной ярко-зелеными линиями всходов. Лились и скрещивались, как серые ленты, бесконечные дороги; по ним бежали грузовики, тракторы тащили прицепы с четырехугольными шапками сена. Сережа спрашивал:

– А теперь это что?

И все ему отвечали:

– «Ясный берег».

Затерянные в просторах, далеко друг от друга стоят три фермы: три нагромождения построек, при одной ферме толстенная силосная башня, при другой сарай с машинами. В мастерской шипит сверло и жужжит паяльная лампа. В черной глубине кузницы летят огненные искры, стучит молот... И отовсюду выходят люди, здороваются с Коростелевым, а он осматривает, расспрашивает, дает распоряжения, потом садится в «газик» и едет дальше. Понятно, почему он вечно спешит в «Ясный берег», – как они будут знать, что им делать, если он не приедет и не скажет?

На фермах очень много животных: свиней, овец, кур, гусей, – но больше всего коров. Пока было тепло, коровы жили на воле, на пастбище, до сих пор там навесы, под которыми они ночевали в плохую погоду. Сейчас коровы на скотных дворах. Стоят смирно рядышком, прикованные цепями за рога к деревянной балке, и едят из длинной кормушки, обмахиваясь хвостами. Ведут они себя не очень-то прилично: все время за ними убирают навоз. Сереже совестно было смотреть, как бесстыдно ведут себя коровы; за руку с Коростелевым он проходил по мокрым мосткам вдоль скотного двора, не поднимая глаз. Коростелев не обращал внимания на неприличие, хлопал коров по пестрым спинам и распоряжался.

Одна женщина с ним чего-то заспорила, он оборвал спор, сказав:

– Ну-ну. Делайте давайте.

И женщина умолкла и пошла делать, что он велел.

На другую женщину, в такой же синей шапке с помпоном, как у мамы, он кричал:

– Кто же за это отвечает в конце концов, неужели даже за такую ерунду я должен отвечать?!

Она стояла перед ним расстроенная и повторяла:

– Как я упустила из виду, как я не сообразила, сама не понимаю!

Откуда-то взялся Лукьяныч с бумажкой в руках, дал Коростелеву вечное перо и сказал: «Подпишите». Коростелев еще не докричал и ответил: «Ладно, потом». Лукьяныч сказал:

– Что значит потом, мне же не дадут без вашей подписи, а людям зарплату надо получать.

Вот как, если Коростелев не подпишет бумажку, то они и зарплату не получат!

А когда Сережа и Коростелев шли, пробираясь между навозными лужами, к ожидавшему их «газику», дорогу преградил молодой парень, одетый роскошно – в низеньких резиновых сапогах и в кожаной курточке с блестящими пуговицами.

– Дмитрий Корнеевич, – сказал он, – что ж мне теперь предпринимать, они площади не дают, Дмитрий Корнеевич!

– А ты считал, – спросил Коростелев отрывисто, – тебе там коттедж приготовлен?

– У меня крах личной жизни, – сказал парень, – Дмитрий Корнеевич, отмените приказ!

– Раньше думать надо было, – сказал Коростелев еще отрывистее. – Голова есть на плечах? Думал бы головой.

– Дмитрий Корнеевич, я вас прошу как человек человека, поняли вы? Не имею опыта, Дмитрий Корнеевич, не вник в эти взаимоотношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.